

Павел КОГОУТ, чешский писатель:

Народные беды — слишком высокая плата за хорошую литературу

Известие. - 2002. - 21 дек. - с. 8.

Павел КОГОУТ — известнейший чешский писатель и общественный деятель. Он был заметной фигурой «Пражской весны» 1968 года, находился в оппозиции к режиму во время «нормализации», был вытолкнут в эмиграцию, много и плодотворно работал на Западе. Тридцать пять лет назад пьесы Когоута ставились и в СССР, а потом был долгий антракт. Теперь МХАТ имени Чехова взялся за пьесу «Нули»: ее ставит чешский режиссер Ян Буриан. Перед премьерой с писателем встретился корреспондент «Известий» Алексей ФИЛИППОВ.

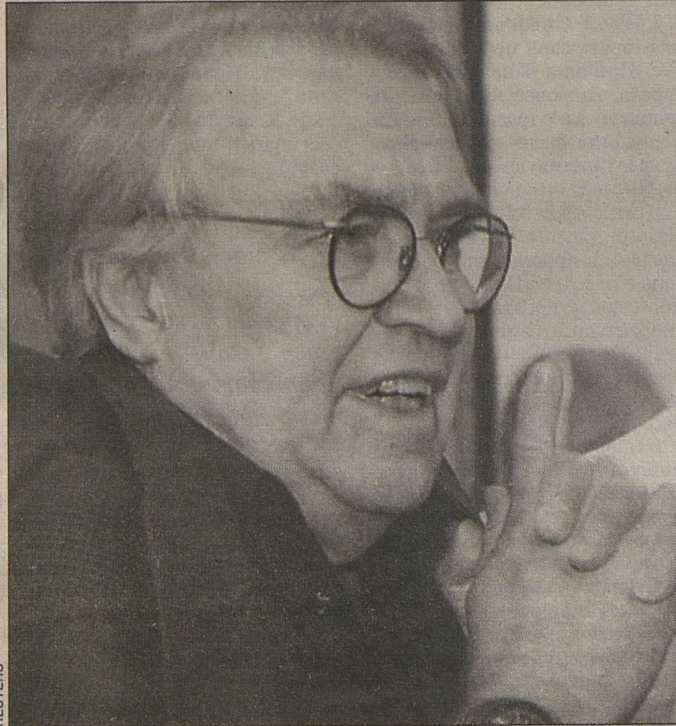
— В «Книге смеха и забвения» Кундера писал о событиях 1968 года так: «В Чехии история инсценировала невиданный эксперимент. Согласно старым рецептам, одна группа людей должна была выступить против другой подобной же группы, здесь же поколение восстало против собственной молодости...» В какой степени это относится к вам?

— История Кундеры и моя история. После освобождения многие чешские писатели поверили в социализм советского типа: в 50-е редко кто из молодых поэтов не воспевал Готвальда и Сталина. И делалось это совершенно искренне. Отрезвление наступило достаточно быстро, но иллюзии тех лет наложили свой отпечаток на то, как вели себя чешские писатели после 1968 года. Мы чувствовали свою ответственность за то, что произошло с Чехией, и не стремились уехать — нашим долгом было оставаться здесь. А власть была не прочь выслать нас в эмиграцию. Но поездки на Запад она запрещала.

В 1979 году мне дали престижную австрийскую литера-

турную премию — для того чтобы ее получить, надо было выехать в Вену. Я посоветовался с друзьями, писателями Гавелом, Вацуликом и другими. Все сказали: «Вот уже десять лет мы изолированы от мира, а теперь у тебя появился шанс выбраться за «железный занавес» и вернуться обратно. Если у тебя получится, путь будет открыт и для нас». Я поехал в Австрию, работал в Бургтеатре, и еще до положенного срока мы с женой вернулись в Чехословакию. Власть были поражены: они верили, что мы останемся на Западе. Нас два часа продержали на границе, а потом предложили вернуться обратно. Мы ответили, что хотим домой, в Прагу. Через восемь часов отряд молоденьких солдат вынес нас из пограничного пункта, посадил в машину и на руках закатил ее на австрийскую территорию...

— До Второй мировой Чехословакия была очень благополучной страной со столетними парламентскими традициями — там не было таких социальных контрастов, как в императорской России, довоенных Польше и Венгрии. Откуда же у ва-

REUTERS

шего поколения появилась такая тяга к социализму советского образца?

— Чехословакия была богата до 1929 года — потом начался мировой экономический кризис. Из пятнадцати миллионов граждан страны почти два миллиона были безработными. В 30-е годы люди у нас верили, что в этой катастрофе виноват капитализм. Затем был Мюнхен

— западные страны отдали Чехословакию Гитлеру, и многие винили в этом не только правительства, но и западную демократию вообще. Освобождение пришло с Востока, а чехи к тому же еще со времен Австро-Венгрии были славянофилами и видели свое будущее в союзе с Россией. В результате на выборах 1946 года — единственных почти свободных выборах в

странах Восточного блока — 53 процента граждан свободно выбрали себе дорогу в ад. В 1948 году к власти пришли коммунисты, а уже в 1952—1953 годах нам стало ясно, что это историческая ошибка. Свою первую критическую пьесу я написал в 1954-м — так начался конфликт с режимом, и с тех пор он только нарастал.

— Герои «Нулей» думают так же?

— Это своего рода аналог горьковского «На дне» — мои герои тоже выброшены из сегодняшнего общества. Они живут даже ниже дна, в помещении, обозначенном двумя нулями, под главной площадью Праги. Некоторые из них считают, что при коммунистах было лучше: власть о них заботилась, а они были довольны тем, что им давали, и жили тихо, сыто и смиренно, как домашние зверюшки. Это огромная проблема, мне жалко таких людей. Но такова цена свободы.

— Как жили чешские писатели после того, как «Пражская весна» была подавлена?

— Плохие писатели жили отлучно: они получили возможность публиковаться вместо тех, кто был запрещен. У них были большие тиражи и отличные гонорары. Те из нас, кто публиковался на Западе, жили на свои сбережения и делились с другими. Многие интеллектуалы сменили профессии — работали сторожами, мойщиками окон, но не продали свою душу.

— Но возможность публиковаться на Западе и получать эти гонорары в Чехословакии все же оставалась?

— Это было непросто. Власть приняла закон, по которому мы должны были платить девяностопроцентный налог с зарубежных гонораров. Но мы нашли легальный способ, как его обойти, и властям было трудно с этим бороться — ведь ЧССР была членом различных всемирных организаций. Так мы и жили: те, у кого были деньги, помогали тем, кто бедствовал. В нашем доме, например, после Хартии-77 каждую среду бывал день открытых дверей: к нам приходили тридцать—сорок человек, и мы их кормили.

— В конце XIX века в Чехии были сильны идеи славянского братства и общей славянской судьбы, чехи испытывали заочную любовь к России. После того как они близко познакомились с СССР, все это, наверное, умерло?

— Нет. После того как закончилась оккупация, отношение к России снова стало нормальным. Симпатии к русским исторически очень сильные, совсем исчезнуть они не могли. Когда в 1991 году Чехословакию покидал поезд с последними русскими солдатами, люди говорили: «Бедные ребята! Куда они едут — там у них даже казарм нормальных нет». Чехи их уже жалели — как людей, попавших в беду.